

Владимир Высоцкий

Охота
на волков

Золотая серия поэзии (Эксмо)

Владимир Высоцкий

Охота на волков

«Эксмо»

2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Высоцкий В. С.

Охота на волков / В. С. Высоцкий — «Эксмо», 2021 — (Золотая серия поэзии (Эксмо))

ISBN 978-5-04-165495-5

Владимир Высоцкий — поэт, которому было дано чувствовать ритм времени, вовлекая в силовое поле своего творчества миллионы читателей и слушателей. Исповедальный стих Высоцкого, сопряженный с народным чувством справедливости, обращен ко всей России с ее прошлым и настоящим. Его душевная отзывчивость и духовные взлеты, взыскательное слово и взыскующая совесть нашли отражение в сотнях стихотворений, песен, баллад. В этой книге нет воспоминаний и дневниковых записей - только стихи и песни В.Высоцкого. И снова мы слышим живой голос поэта с его неподражаемой интонацией, с его надрывной мощью и убийственной иронией. И снова звучат в памяти его строки - то смешные, то трогательно-лиричные, то пронзительно-провидческие.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-165495-5

© Высоцкий В. С., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Если друг оказался вдруг	6
Песня о друге	6
Здесь вам не равнина	8
Военная песня	9
Скалолазка	10
Прощание с горами	11
«Свои обиды каждый человек...»	12
Она была в Париже[1]	13
Песня о новом времени	14
Гололед	15
«Вот – главный вход, но только вот...»	16
«Корабли постоят – и ложатся на курс...»	18
Случай в ресторане	19
«Ну вот, исчезла дрожь в руках...»	20
К вершине	21
Мне этот бой не забыть никак	22
О моем старшине	22
Черные бушлаты	23
Песня о звездах	26
Он не вернулся из боя	27
Песня о земле	28
Сыновья уходят в бой	29
Жил я с матерью и батей	30
Серебряные струны	30
Тот, кто раньше с нею был	31
Весна еще в начале	33
«У меня было сорок фамилий...»	35
«Сколько лет, сколько лет...»	37
Правда ведь, обидно	38
Зэка Васильев и Петров зэка	39
«– Эй шофер, вези – Бутырский хутор...»	41
«За меня невеста отгрыдает честно...»	42
Про Сережку Фомина	43
Штрафные батальоны	44
Письмо рабочих Тамбовского завода китайским руководителям	45
Антисемиты	47
Песня про уголовный кодекс	48
Наводчица	49
О нашей встрече	50
Песня о госпитале	51
Все ушли на фронт	52
«Я любил и женщин и проказы...»	53
Песня про стукача	54
«Нам вчера прислали...»	55
Бал-маскарад	57
Городской романс	58

Я был слесарь шестого разряда	59
Ребята, напишите мне письмо	60
А люди все роптали и роптали	61
«День на редкость – тепло и не тает...»	61
«Про меня говорят: он, конечно, не гений...»	62
«Если нравится – мало?...»	63
«Из-за гор – я не знаю, где горы те...»	64
«Люди говорили морю: «До свиданья»...»	65
«Я не пил, не воровал...»	66
«Давно я понял: жить мы не смогли бы...»	68
«Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог...»	69
«Экспресс Москва – Варшава, тринадцатое место...»	70
«Что сегодня мне суды и заседания...»	71
«А люди всё роптали и роптали...»	72
«Парад-алле! Не видно кресел, мест!..»	73
«День-деньской я с тобой, за тобой...»	74
«У меня долги перед друзьями...»	75
Бить человека по лицу я с детства не могу	76
Песня о сентиментальном боксере	76
Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную	78
«Комментатор из своей кабины...»	79
Песенка про прыгуна в высоту	80
Бег иноходца	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Владимир Высоцкий

Охота на волков

Если друг оказался вдруг

Песня о друге

Если друг
оказался вдруг
И не друг, и не враг,
а так;
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош, —
Парня в горы тани —
рискни! —
Не бросай одного
его:
Пусть он в связке в одной
с тобой
Там поймешь, кто такой.
Если парень в горах —
не ах,
Если сразу раскис —
и вниз,
Шаг ступил на ледник —
и сник,
Оступился —
и в крик, —
Значит, рядом с тобой —
чужой,
Ты его не брани —
гони:
Вверх таких не берут
и тут
Про таких не поют.
Если ж он не скулил,
не ныл,
Пусть он хмур был и зол,
но шел,
А когда ты упал
со скал,
Он стонал,
но держал;
Если шел он с тобой
как в бой,

На вершине стоял – хмельной, —
Значит, как на себя самого
Положись на него!

1966

Военная песня

Мерцал закат, как сталь клинка.
Свою добычу смерть считала...
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

А до войны – вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен, —
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Ты снова здесь, ты собран весь —
Ты ждешь заветного сигнала.
И парень тот – он тоже здесь,
Среди стрелков из «Эдельвейс», —
Их надо сбросить с перевала!

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Взвод лезет вверх, а у реки —
Тот, с кем ходил ты раньше в паре.
Мы ждем атаки до тоски,
А вот альпийские стрелки
Сегодня что-то не в ударе...

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

1966

Скалолазка

Я спросил тебя: «Зачем идете в гору вы? —
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой. —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты – и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, —
Первый раз меня из трещины вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины —
Но не обиделся, а приговаривал:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом на каждом нашем восхождении —
Ну почему ты ко мне недоверчивая?! —
Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя гуттаперчевая!

Ох, какая ж ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты ругала меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я —
До тебя уже мне рукой подать, —
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя скалоласковая!..»
Мы теперь с тобою одной веревкой связаны,
Стали оба мы скалолазами!

1966

Прощание с горами

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы – просто некуда деться! —
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин, —
Что же делать – и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас – и зовут нас остаться! —
Но спускаемся мы – кто на год, кто совсем, —
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал!

1966

«Свои обиды каждый человек...»

Свои обиды каждый человек —
Проходит время – и забывает.
А моя печаль – как вечный снег:
Не тает, не тает.

Не тает она и летом
В полуденный зной, —
И знаю я: печаль-тоску мне эту
Век носить с собой.

1966

Она была в Париже¹

Наверно, я погиб: глаза закрою – вижу.
Наверно, я погиб: робею, а потом —
Куда мне до нее – она была в Париже,
И я вчера узнал – не только в ём одном!

Какие песни пел я ей про Север дальний! —
Я думал: вот чуть-чуть – и будем мы на ты, —
Но я напрасно пел о полосе нейтральной —
Ей глубоко плевать, какие там цветы.

Я спел тогда еще – я думал, это ближе —
«Про счетчик», «Про того, кто раньше с нею
был»...

Но что ей до меня – она была в Париже, —
Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил!

Я бросил свой завод – хоть, в общем, был не
вправе, —

Засел за словари на совесть и на страх...
Но что ей от того – она уже в Варшаве, —
Мы снова говорим на разных языках...

Приедет – я скажу по-польски: «Прошу, пани,
Прими таким как есть, не буду больше петь...»
Но что ей до меня – она уже в Иране, —
Я понял: мне за ней, конечно, не успеть!

Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, —
Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
Кто раньше с нею был и тот, кто будет после, —
Пусть пробуют они – я лучше пережду!

1966

¹ Эта песня посвящена Ларисе Лужиной.

Песня о новом времени

Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело
шаги, —

Значит, скоро и нам – уходить и прощаться
без слов.

По нехоженным тропам протопали лошади, лошади,
Неизвестно к какому концу унося седоков.

Наше время иное, лихое, но счастье, как встарь,
ищи!

И в погоню летим мы за ним, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших
товарищей,

На скаку не заметив, что рядом – товарищей нет.

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
О войне будут детские игры с названьями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.

А когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели
на платяца, —

Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять!..

<1966 или 1967>

Гололед

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Будто нет ни весны, ни лета —
В саван белый одета планета —
Люди, падая, бьются об лед.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Даже если всю Землю – в облет,
Не касаясь планеты ногами, —
Не один, так другой упадет
На поверхность, а там – гололед! —
И затопчут его сапогами.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Только – лед, словно зеркало, лед,
Но на детский каток не похоже, —
Может – зверь не упавши пройдет...
Гололед! – и двуногий встает
На четыре конечности тоже.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Зима 1966/67, ред. <1973>

«Вот – главный вход, но только вот...»

Вот – главный вход, но только вот
Упрашивать – я лучше сдохну, —
Вхожу я через черный ход,
А выходить стараюсь в окна.

Не вгоняю я в гроб никого,
Но вчера меня, тепленького —
Хоть бываю и хуже я сам, —
Оскорбили до ужаса.

И, плюнув в пьяное мурло
И обвязав лицо портьерой,
Я вышел прямо сквозь стекло —
В объятья к милиционеру.

И меня – окровавленного,
Всенародно прославленного,
Прям как был я – в амбиции
Довели до милиции.

И, кулаками покарав
И попинав меня ногами,
Мне присудили крупный штраф —
За то, что я нахулиганил.

А потом – перевязанному,
Несправедливо наказанному —
Сердобольные мальчики
Дали спать на диванчике.

Проснулся я – еще темно, —
Успел поспать и отдохнуть я, —
Встаю и, как всегда, – в окно,
Но на окне – стальные прутья!

И меня – патентованного,
Ко всему подготовленного, —
Эти прутья печальные
Ввергли в бездну отчаянья.

А рано утром – верь не верь —
Я встал, от слабости шатаюсь, —
И вышел в дверь – я вышел в дверь!
С тех пор в себе я сомневаюсь.

В мире – тишь и безветрие,
Чистота и симметрия, —
На душе моей – тягостно,
И живу я безрадостно.

Зима 1966/67

«Корабли постоят – и ложатся на курс...»

Корабли постоят – и ложатся на курс, —
Но они возвращаются сквозь непогоды...
Не пройдет и полгода – и я появлюсь, —
Чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все – кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все – кроме тех, кто нужней, —
Я не верю судьбе, а себе – еще меньше.

Но мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь – весь в друзьях
 и в делах —
Я, конечно, спую – не пройдет и полгода.
Я, конечно, вернусь – весь в друзьях
 и в мечтах,
Я, конечно, спую – не пройдет и полгода.

<1967>

«Ну вот, исчезла дрожь в руках...»

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь – наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек, —
Для остановки нет причин —
Иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!

Среди нехоженных путей
Один – пусть мой!
Среди невзятых рубежей
Один – за мной!
А имена тех, кто здесь лег,
Снега таят...
Среди непройденных дорог
Одна – моя!

Здесь голубым сияньем льдов
Весь склон облит,
И тайну чьих-нибудь следов
Гранит хранит...
И я гляжу в свою мечту
Поверх голов
И свято верю в чистоту
Снегов и слов!

И пусть пройдет немалый срок —
Мне не забыть,
Что здесь сомнения я смог
В себе убить.
В тот день шептала мне вода:
Удач – всегда!..
А день... какой был день тогда?
Ах да – среда!..

1969

К вершине

Памяти Михаила Хергиани

Ты идешь по кромке ледника,
Взгляд не отрывая от вершины.
Горы спят, вдыхая облака,
Выдыхая снежные лавины.

Но они с тебя не сводят глаз —
Будто бы тебе покой обещан,
Предостерегая всякий раз
Камнепадом и оскалом трещин.

Горы знают – к ним пришла беда, —
Дымом затянуло перевалы.
Ты не отличал еще тогда
От разрывов горные обвалы.

Если ты о помощи просил —
Громким эхом отзывались скалы,
Ветер по ущельям разносил
Эхо гор, как радиосигналы.

И когда шел бой за перевал, —
Чтобы не был ты врагом замечен,
Каждый камень грудью прикрывал,
Скалы сами подставляли плечи.

Ложь, что умный в горы не пойдет!
Ты пошел – ты не поверил слухам, —
И мягчал гранит, и таял лед,
И туман у ног стелился пухом...

Если в вечный снег навеки ты
Ляжешь – над тобою, как над близким,
Наклонятся горные хребты
Самым прочным в мире обелиском.

1969

Мне этот бой не забыть нипочем

О моем старшине

Я помню райвоенкомат:
«В десант не годен – так-то, брат, —
Таким, как ты, – там невпротык...»
И дальше – смех:
Мол, из тебя какой солдат?
Тебя – хоть сразу в медсанбат!..
А из меня – такой солдат, как изо всех.

А на войне как на войне,
А мне – и вовсе, мне – вдвойне, —
Присохла к телу гимнастерка на спине.
Я отставал, сбоил в строю, —
Но как-то раз в одном бою —
Не знаю чем – я приглянулся старшине.

...Шумит окопная братва:
«Студент, а сколько дважды два?
Эй, холостой, а правда – графом был Толстой?
А кто евоная жена?..»
Но тут встревал мой старшина:
«Иди поспи – ты ж не святой, а утром – бой».

И только раз, когда я встал
Во весь свой рост, он мне сказал:
«Ложись!.. – и дальше пару слов без падежей. —
К чему две дырки в голове!»
И вдруг спросил: «А что в Москве,
Неужто вправду есть дома в пять этажей?..»

Над нами – шквал, – он застонал —
И в нем осколок остывал, —
И на вопрос его ответить я не смог.
Он в землю лег – за пять шагов,
За пять ночей и за пять снов —
Лицом на запад и ногами на восток.

1971

Черные бушлаты

Евпаторийскому десанту

За нашей, спиною
остались
паденья,
закаты, —
Ну хоть бы ничтожный,
ну хоть бы
невидимый
взлет!
Мне хочется верить,
что черные
наши
бушлаты
Дадут мне возможность
сегодня
увидеть
восход.

Сегодня на людях
сказали:
«Умрите
геройски!»
Попробуем, ладно,
увидим,
какой
оборот...
Я только подумал,
чужие
кура
папироски:
Тут – кто как умеет,
мне важно —
увидеть
восход.

Особая рота —
особый
почет
для сапера.
Не прыгайте с финкой
на спину
мою
из ветвей, —
Напрасно стараться —

я и
с перерезанным
горлом
Сегодня увижу
восход
до развязки
своей!

Прошли по тылам мы,
держась,
чтоб не резать
их – сонных, —
И вдруг я заметил,
когда
прокусили
проход:
Еще несмышленный,
зеленый,
но чуткий
подсолнух
Уже повернулся
верхушкой
своей
на восход.

За нашей спиною
в шесть тридцать
остались —
я знаю —
Не только паденья,
закаты,
но – взлет
и восход.
Два провода голых,
зубами
скрипя,
зачищаю.
Восхода не видел,
но понял:
вот-вот
и взойдет!

Уходит обратно
на нас
поредевшая
рота.
Что было – не важно,
а важен
лишь взорванный

форт.
Мне хочется верить,
что грубая
наша
работа
Вам дарит возможность
беспошлинно
видеть
восход!

1972

Песня о звездах

Мне этот бой не забыть нипочем —
Смертью пропитан воздух, —
А с небосклона бесшумным дождем
Падали звезды.

Снова упала – и я загадал:
Выйти живым из боя, —
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездой.

Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться, —
С неба свалилась шальная звезда —
Прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!»...
Вон покати́лась вторая звезда —
Вам на погоны.

Звезд этих в небе – как рыбы в прудах,
Хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже – Героем.

Я бы Звезду эту сыну отдал,
Просто – на память...
В небе висит, пропадает звезда —
Некуда падать.

1964

Он не вернулся из боя

Почему все не так? Вроде – все как всегда:
То же небо – опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только – он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас —
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал, —
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, – не про то разговор:
Вдруг заметил я – нас было двое...
Для меня – будто ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась, словно из плена, весна.
По ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить!» – а в ответ – тишина...
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде, —
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло – для обоих...
Все теперь – одному, – только кажется мне,
Это я не вернулся из боя.

1969

Песня о земле

Кто сказал: «Все сгорело дотла,
Больше в землю не бросите семя!»?
Кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время!

Материнства не взять у Земли,
Не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет, она почернела от горя.

Как разрезы, траншеи легли,
И воронки – как раны зияют.
Обнаженные нервы Земли
Неземное страдание знают.

Она вынесет все, переждет, —
Не записывай Землю в калеки!
Кто сказал, что Земля не поет,
Что она замолчала навеки?!

Нет! Звенит она, стоны глуша,
Изо всех своих ран, из отдушин,
Ведь Земля – это наша душа, —
Сапогами не вытоптать душу!

Кто поверил, что Землю сожгли?!
Нет, она затаилась на время...

1969

Сыновья уходят в бой

Сегодня не слышно биенья сердец —
Оно для аллей и беседок.
Я падаю, грудью хватая свинец,
Подумать успев напоследок:

«На этот раз мне не вернуться,
Я уйду — придет другой».
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

Вот кто-то, решив: после нас — хоть потоп,
Как в пропасть шагнул из окопа.
А я для того свой покинул окоп,
Чтоб не было вовсе потопа.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

Кто сменит меня, кто в атаку пойдет?
Кто выйдет к заветному мосту?
И мне захотелось — пусть будет вон тот,
Одетый во все не по росту.

Я успеваю улыбнуться,
Я видел, кто придет за мной.
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

Разрывы глушили биенье сердец,
Мое же — мне громко стучало,
Что все же конец мой — еще не конец:
Конец — это чье-то начало.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

1969

Жил я с матерью и батей

Серебряные струны

У меня гитара есть – расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!

Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я зароюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею – и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

1962

Тот, кто раньше с нею был

В тот вечер я не пил, не пел —
Я на нее всю глядел,
Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —
Он мне грубил, он мне грозил.
А я все помню – я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,
Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл, —
И как-то в осень, и как-то в осень —
Иду с дружкой, гляжу – стоят, —
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд
Их было восемь.

Со мною – нож, решил я: что ж,
Меня так просто не возьмешь, —
Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
Вполне серьезно, вполне серьезно.
Мне кто-то на плечи повис, —
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись!» —
Но было поздно.

За восемь бед – один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек,
Он мне сказал: «Держись, браток!»

Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее – прощаю.
Ее, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Не извиняю.

Ее, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Я повстречаю!

1962

Весна еще в начале

Весна еще в начале,
Еще не загуляли,
Но уж душа рвалась из груди, —
И вдруг приходят двое

С конвоем, с конвоем:
«Оденься, – говорят, – и выходи!»

Я так тогда просил у старшины:
«Не уводите меня из Весны!»

До мая пропотели —
Всё расколоть хотели, —
Но – нате вам – темню я сорок дней.
И вдруг – как нож мне в спину —
Забрали Катерину, —
И следователь стал меня главней.

Я понял, я понял, что тону, —
Покажите мне хоть в форточку Весну!

И вот опять – вагоны,
Перегоны, перегоны,
И стыки рельс отсчитывают путь, —
А за окном – в зеленом
Березки и клены, —
Как будто говорят: «Не позабудь!»

А с насыпи мне машут пацаны, —
Зачем меня увозят из Весны!..

Спросил я Катю взглядом:
«Уходим?» – «Не надо!»
«Нет, хватит, – без Весны я не могу!»
И мне сказала Катя:
«Что ж, хватит так хватит». —
И в ту же ночь мы с ней ушли в тайгу.

Как ласково нас встретила она!
Так вот, так вот какая ты, Весна!

А на вторые сутки
На след напали *суки* —
Как псы на след напали и нашли,
И завязали суки

И ноги и руки —
Как падаль по грязи поволокли.

Я понял: мне не видеть больше сны
Совсем меня убрали из Весны...

1962

«У меня было сорок фамилий...»

У меня было сорок фамилий,
У меня было семь паспортов,
Меня семьдесят женщин любили,
У меня было двести врагов.
Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Все равно, чтоб подраться,
Кто-нибудь находился.

И хоть путь мой и длинен и долог,
И хоть я заслужил похвалу —
Обо мне не напишут некролог
На последней странице в углу.
Но я не жалею!

Сколько я ни стремился,
Сколько я ни старался —
Кто-нибудь находился —
И я с ним напивался.

И хотя во все светлое верил —
Например, в наш советский народ, —
Не поставят мне памятник в сквере
Где-нибудь у Петровских ворот.
Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Все равно я спивался,
Все равно я катился.

Сочиняю я песни о драмах
И о жизни карманных воров, —
Мое имя не встретишь в рекламах
Популярных эстрадных певцов.
Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Я всегда попадался —
И все время садился.

Говорят, что на место все встанет.

Бросить пить? Видно, мне не судьба,
Все равно меня не отчеканят
На монетах вместо герба.
Но я не жалею!

Так зачем мне стараться?
Так зачем мне стремиться?
Чтоб во всем разобраться —
Нужно сильно напиться!

<1962 или 1963>

«Сколько лет, сколько лет...»

Сколько лет, сколько лет —
Всё одно и то же:
Денег нет, женщин нет,
Да и быть не может.

Сколько лет воровал,
Столько лет старался, —
Мне б скопить капитал —
Ну а я спивался.

Ни кола ни двора —
И ни рожь с кожей,
И друзей — ни хера,
Да и быть не может.

Только — водка на троих,
Только — пика с червой, —
Комом — все блины мои,
А не только первый.

<1962>

Правда ведь, обидно

Правда ведь, обидно – если завязал,
А товарищ продал, падла, и за все сказал:
За давнишнее, за драку – все сказал Сашок, —
Двое в синем, двое в штатском, черный воронок...

До свиданья, Таня, а может быть – прощай!
До свиданья, Таня, если можешь – не серчай!
Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак!

На суде судья сказал: «Двадцать пять! До встречи!»
Раньше б горло я порвал за такие речи!
А теперь – терплю обиду, не показываю виду, —
Если встречу я Сашка – ох как изувечу!

До свиданья, Таня, а может быть – прощай!
До свиданья, Таня, если можешь – не серчай!
Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак!

<1962>

Зэка Васильев и Петров зэка

Сгорели мы по недоразумению —
Он за растрату сел, а я – за Ксению, —
У нас любовь была, но мы расстались:
Она кричала и сопротивлялася.

На нас двоих нагрянула ЧК,
И вот теперь мы оба с ним зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

А в лагерях – не жизнь, а темень-тьмущая:
Кругом *майданички*, кругом *домушники*,
Кругом ужасное к нам отношение
И очень странные поползновения.

Ну а начальству наплевать – за что и как,
Мы для начальства – те же самые зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

И вот решили мы – бежать нам хочется,
Не то все это очень плохо кончится:
Нас каждый день мордуют уголовники,
И главный врач зовет к себе в любовники.

И вот – в бега решили мы, ну а пока
Мы оставались всё теми же зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

Четыре года мы побег готовили —
Харчей три тонны мы наэкономили,
И нам с собою даже дал половничек
Один ужасно милый уголовничек.

И вот ушли мы с ним в руке рука, —
Рукоплескали нашей дерзости зэка —
Зэка Петрову, Васильеву зэка.

И вот – по тундре мы, как сиротиночки, —
Не по дороге всё, а по тропиночке.
Куда мы шли – в Москву или в Монголию, —
Он знать не знал, паскуда, я – тем более.

Я доказал ему, что запад – где закат,
Но было поздно: нас зацапала ЧК —
Зэка Петрова, Васильева зэка.

Потом – приказ про нашего полковника:
Что он поймал двух крупных уголовников, —
Ему за нас – и деньги, и два ордена,
А он от радости все бил по морде нас.

Нам после этого прибавили срока,
И вот теперь мы – те же самые зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

1962

«– Эй шофер, вези – Бутырский хутор...»

– Эй шофер, вези – Бутырский хутор,
Где тюрьма, – да поскорее мчи!
– Ты, товарищ, опоздал,
ты на два года перепутал —
Разбирают уж тюрьму на кирпичи.

– Очень жаль, а я сегодня спозаранку
По родным решил проехаться местам...
Ну да ладно, что ж, шофер,
тогда вези меня в «Таганку», —
Погляжу, ведь я бывал и там.

– Разломали старую «Таганку» —
Подчистую, всю, ко всем чертям!
– Что ж, шофер, давай назад,
крути-верти свою баранку, —
Так ни с чем поедем по домам.

Или нет, шофер, давай закурим,
Или лучше – выпьем поскорей!
Пьем за то, чтоб не осталось
по России больше тюрем,
Чтоб не стало по России лагерей!

<1963>

Про Сережку Фомина

Я рос как вся дворовая шпана —
Мы пили водку, пели песни ночью, —
И не любили мы Сережку Фомина
За то, что он всегда сосредоточен.

Сидим раз у Сережки Фомина —
Мы у него справляли наши встречи, —
И вот о том, что началась война,
Сказал нам Молотов в своей известной речи.

В военкомате мне сказали: «Старина,
Тебе броню дает родной завод «Компрессор»!»
Я отказался, — а Сережку Фомина
Спасал от армии отец его, профессор.

Кровь лью я за тебя, моя страна,
И все же мое сердце негодует:
Кровь лью я за Сережку Фомина —
А он сидит и в ус себе не дует!

Теперь небось он ходит по кинам —
Там хроника про нас перед сеансом, —
Сюда б сейчас Сережку Фомина —
Чтоб побывал он на фронте на германском!

...Но наконец закончилась война —
С плеч сбросили мы словно тонны груза, —
Встречаю я Сережку Фомина —
А он Герой Советского Союза...

1964

Штрафные батальоны

Всего лишь час дают на артобстрел —
Всего лишь час пехоте передышки.
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, ну а кому – до «вышки».

За этот час не пишем ни строки —
Молись богам войны артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так – мы штрафники, —
Нам не писать: «...считайте коммунистом».

Перед атакой – водку, – вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку,
Поэтому мы не кричим «ура» —
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу,
И если не поймаешь в грудь свинец —
Медаль на грудь поймаешь за отвагу.

Ты бей штыком, а лучше – бей рукой:
Оно надежней, да оно и тише, —
И ежели останешься живой —
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг: морально мы слабы, —
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль – и вот сейчас обстрел, —
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, а большинству —
до «вышки»...

1964

Письмо рабочих Тамбовского завода китайским руководителям

В Пекине очень мрачная погода,
У нас в Тамбове на заводе перекур, —
Мы пишем вам с тамбовского завода,
Любители опасных авантюр!

Тем, что вы договор не подписали,
Вы причинили всем народам боль
И, извращая факты, доказали,
Что нам дороже генерал де Голль.

Нам каждый день насущный мил и дорог,
Но если даже вспомнить старину,
То это ж вы изобретали порох
И строили Китайскую стену.

Мы понимаем – вас совсем не мало,
Чтоб триста миллионов погубить, —
Но мы уверены, что сам товарищ Мао,
Ей-богу, очень-очень хочет жить.

Когда вы рис водою запивали —
Мы проявляли интернационализм, —
Небось когда вы русский хлеб жевали,
Не говорили про оппортунизм!

Бойтесь вы, что – реваншисты в Бонне,
Что – Вашингтон грозитя перегнуть, —
Но сам Хрущев сказал еще в ООНе,
Что мы покажем кузькину им мать!

Вам не нужны ни бомбы, ни снаряды —
Не раздувайте вы войны пожар, —
Мы нанесем им, если будет надо,
Ответный термоядерный удар.

А если зуд – без дела не страдайте, —
У вас еще достаточно делов:
Давите мух, рождаемость снижайте,
Уничтожайте ваших воробьев!

И не интересуйтесь нашим бытом —
Мы сами знаем, где у нас чего.
Так наш ЦК писал в письме открытом, —
Мы одобряем линию его!

<1964>

Антисемиты

Зачем мне считаться шпаной и бандитом —
Не лучше ль податься мне в антисемиты:
На их стороне хоть и нету законов, —
Поддержка и энтузиазм миллионов.

Решил я – и значит, кому-то быть битым.
Но надо ж узнать, кто такие семиты, —
А вдруг это очень приличные люди,
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет!

Но друг и учитель – алкаш в бакалее —
Сказал, что семиты – простые евреи.
Да это ж такое везение, братцы, —
Теперь я спокоен – чего мне бояться!

Я долго крепился, ведь благоговейно
Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкольна?

Средь них – пострадавший от Сталина
Каплер,
Средь них – уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.

Но тот же алкаш мне сказал после дельца,
Что пьют они кровь христианских младенцев:
И как-то в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они Бога распяли!

Им кровушки надо – они по запарке
Замучили, гады, слона в зоопарке!
Украли, я знаю, они у народа
Весь хлеб урожая минувшего года!

По Курской, Казанской железной дороге
Построили дачи – живут там как боги...
На всё я готов – на разбой и насилие, —
И бью я жидов – и спасаю Россию!

1964

Песня про уголовный кодекс

Нам ни к чему сюжеты и интриги:
Про всё мы знаем, про всё, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю Кодекс уголовный наш.

И если мне нейдет и не спится
Или с похмелья нет на мне лица —
Открою Кодекс на любой странице,
И не могу – читаю до конца.

Я не давал товарищам советы,
Но знаю я – разбой у них в чести, —
Вот только что я прочитал про это:
Не ниже трех, не выше десяти.

Вы вдумайтесь в простые эти строки, —
Что нам романы всех времен и стран! —
В них есть бараки, длинные как сроки,
Скандалы, драки, карты и обман...

Сто лет бы мне не видеть этих строчек! —
За каждой вижу чью-нибудь судьбу, —
И радуюсь, когда статья – не очень:
Ведь все же повезет кому-нибудь!

И сердце бьется раненою птицей,
Когда начну свою статью читать,
И кровь в висках так ломится-стучится, —
Как *мусора*, когда приходят брать.

1964

Наводчица

- Сегодня я с большой охотою
Распоряжусь своей субботой,
И если Нинка не капризная,
Распоряжусь своею жизнью я!
- Постой, чудак, она ж – наводчица, —
Зачем?
– Да так, уж очень хочется!
– Постой, чудак, у нас – компания, —
Пойдем в кабак – зальем желание!
- Сегодня вы меня не пачкайте,
Сегодня пьянка мне – до лампочки:
Сегодня Нинка соглашается —
Сегодня жисть моя решается!
- Ну и дела же с этой Нинкою!
Она жила со всей Ордынкою, —
И с нею спать ну кто захочет сам!..
– А мне плевать – мне очень хочется!
- Сказала: любит, – все, заматано!
– Отвечу рупь за сто, что врет она!
Она ж того – ко всем ведь просится...
– А мне чего – мне очень хочется!
- Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные,
Всегда одета как уборщица...
– Плевать на это – очень хочется!
- Все говорят, что – не красавица, —
А мне такие больше нравятся.
Ну что ж такого, что – наводчица, —
А мне еще сильнее хочется!

1964

О нашей встрече

О нашей встрече что там говорить! —
Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий, —
Но мы с тобою сразу стали жить,
Не опасаясь пагубных последствий.

Я сразу сузил круг твоих знакомств,
Одел, обул и вытащил из грязи, —
Но за тобой тащился длинный хвост —
Длиннющий хвост твоих коротких связей.

Потом, я помню, бил друзей твоих:
Мне с ними было как-то неприятно, —
Хотя, быть может, были среди них
Наверняка отличные ребята.

О чем просила – делал мигом я, —
Мне каждый час хотелось сделать
ночью брачной.
Из-за тебя под поезд прыгал я,
Но, слава Богу, не совсем удачно.

И если б ты ждала меня в тот год,
Когда меня отправили *на дачу*, —
Я б для тебя украл весь небосвод
И две звезды Кремлевские в придачу.

И я клянусь – последний буду гад! —
Не ври, не пей – и я прощу измену, —
И подарю тебе Большой театр
И Малую спортивную арену.

А вот теперь я к встрече не готов:
Боюсь тебя, боюсь ночей интимных —
Как жители японских городов
Боятся повторенья Хиросимы.

1964

Песня о госпитале

Жил я с матерью и батей
На Арбате – здесь бы так!
А теперь я в медсанбате —
На кровати, весь в бинтах...

Что нам слава, что нам Клава —
Медсестра – и белый свет!..
Помер мой сосед, что справа,
Тот, что слева, – еще нет.

И однажды, как в угаре,
Тот сосед, что слева, мне
Вдруг сказал: «Послушай, парень,
У тебя ноги-то нет».

Как же так? Неправда, братцы, —
Он, наверно, пошутил!
«Мы отрежем только пальцы» —
Так мне доктор говорил.

Но сосед, который слева,
Все смеялся, все шутил,
Даже если ночью бредил —
Все про ногу говорил.

Издевался: мол, не встанешь,
Не увидишь, мол, жены!..
Поглядел бы ты, товарищ,
На себя со стороны!

Если б был я не калека
И слезал с кровати вниз —
Я б тому, который слева,
Просто глотку перегрыз!

Умолял сестричку Клаву
Показать, какой я стал...
Был бы жив сосед, что справа, —
Он бы правду мне сказал!..

1964

Все ушли на фронт

Все срока уже закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены, —
Надпись: «Все ушли на фронт».

За грехи за наши нас простят,
Ведь у нас такой народ:
Если Родина в опасности —
Значит, всем идти на фронт.

Там год – за три, если Бог хранит, —
Как и в лагере зачет.
Нынче мы на равных с вохрами —
Нынче всем идти на фронт.

У начальника Березкина —
Ох и гонор, ох и понт! —
И душа – крест-накрест досками, —
Но и он хотел на фронт.

Лучше было – сразу в тыл его:
Только с нами был он смел, —
Высшей мерой наградил его
Трибунал за самострел.

Ну а мы – всё оправдали мы, —
Наградили нас потом:
Кто живые, тех – медалями,
А кто мертвые – крестом.

И другие заключенные
Пусть читают у ворот
Нашу память застекленную —
Надпись: «Все ушли на фронт»...

1964

«Я любил и женщин и проказы...»

Я любил и женщин и проказы:
Что ни день, то новая была, —
И ходили устные рассказы
Про мои любовные дела.

И однажды как-то на дороге
Рядом с морем – с этим не шути —
Встретил я одну из очень многих
На моем на жизненном пути.

А у ней – широкая натура,
А у ней – открытая душа,
А у ней – отличная фигура, —
А у меня в кармане – ни гроша.

Ну а ей – в подарок нужно кольца;
Кабаки, духи из первых рук, —
А взамен – немного удовольствий
От ее сомнительных услуг.

«Я тебе, – она сказала, – Вася,
Дорогое самое отдам!..»
Я сказал: «За сто рублей согласен, —
Если больше – с другом пополам!»

Женщины – как очень злые кони:
Захрипит, закусит удила!..
Может, я чего-нибудь не понял,
Но она обиделась – ушла.

... Через месяц улеглись волненья
Через месяц вновь пришла она, —
У меня такое ощущение,
Что ее устроила цена.

1964

Песня про стукача

В наш тесный круг не каждый попадал,
И я однажды – проклятая дата —
Его привел с собою и сказал:
«Со мною он – нальем ему, ребята!»

Он пил как все и был как будто рад,
А мы – его мы встретили как брата...
А он назавтра продал всех подряд, —
Ошибся я – простите мне, ребята!

Суда не помню – было мне невмочь,
Потом – барак, холодный как могила, —
Казалось мне – кругом сплошная ночь,
Тем более что так оно и было.

Я сохраню хотя б остаток сил, —
Он думает – отсюда нет возврата,
Он слишком рано нас похоронил, —
Ошибся он – поверьте мне, ребята!

И день наступит – ночь не на года, —
Я попрошу, когда придет расплата:
«Ведь это я привел его тогда —
И вы его отдайте мне, ребята!..»

1964

«Нам вчера прислали...»

Нам вчера прислали
Из рук вон плохую весть:
Нам вчера сказали,
Что Алеха вышел весь.
Как же так! Он Наде
Говорил, что – пофартит,
Что сыграет свадьбу —
На неделю загудит...

Не видать девахе
Этот свадебный гудеж,
Потому что – в драке
Налетел на чей-то нож,
Потому что – плохо,
Хоть не в первый раз уже
Получал Алеха
Дырки новые в душе.

Для того ль он душу,
Как рубаху, залатал,
Чтоб его убила
В пьяной драке сволота!
Если б всё в порядке —
Мы б на свадьбу нынче шли.
Но с ножом в лопатке
Поутру его нашли.

Что ж, поубивается
Девчонка, поревет,
Что ж, посомневается —
И слезы оботрет, —
А потом без вздоха
Отопрет любому дверь...
Ничего, Алеха, —
Все равно тебе теперь!

Мы его схороним очень скромно,
Что рыдать!
Некому о нем и похоронную
Послать,
Потому – никто не знает,
Где у Лехи дом, —
Вот такая смерть шальная
Всех нас ждет потом.

Что ж, поубивается
Девчонка, поревет,
Чуть посомневается —
И слезы оботрет,
А потом без вздоха
Отопрет любому дверь, —
Бог простит, а Леха...
Все равно ему теперь...

1964

Бал-маскарад

Сегодня в нашей комплексной бригаде
Прошел слушок о бале-маскараде, —
Раздали маски кроликов,
Слонов и алкоголиков,
Назначили все это – в зоосаде.

«Зачем идти при полном при параде —
Скажи мне, моя радость, Христа ради?»
Она мне: «Одевайся!» —
Мол, я тебя стесняюсь,
Не то, мол, как всегда, пойдешь ты сзади.

«Я платье, – говорит, – взяла у Нади —
Я буду нынче как Марина Влади
И проведу, хоть тресну я,
Часы свои воскресные
Хоть с пьяной твоей мордой, но в наряде!»

...Зачем же я себя утюжил, гладил? —
Меня поймали тут же, в зоосаде, —
Ведь массовик наш Колька
Дал мне маску алкоголика —
И на троих зазвали меня дяди.

Я снова очутился в зоосаде:
Глядь – две жены, – ну две Марины Влади!
Одетые животными,
С двумя же бегемотами, —
Я тоже озверел – и стал в засаде.

Наутро дали премию в бригаде,
Сказав мне, что на бале-маскараде
Я будто бы не только
Сыграл им алкоголика,
А был у бегемотов я в ограде.

1964

Городской романс

Я однажды гулял по столице – и
Двух прохожих случайно зашиб, —
И, попавши за это в милицию,
Я увидел ее – и погиб.

Я не знаю, что там она делала, —
Видно, паспорт пришла получать —
Молодая, красивая, белая...
И решил я ее разыскать.

Шел за ней – и запомнил парадное.
Что сказать ей? – ведь я ж хулиган...
Выпил я – и позвал ненаглядную
В привокзальный один ресторан.

Ну а ей улыбались прохожие —
Мне хоть просто кричи «Караул!» —
Одному человеку по роже я
Дал за то, что он ей подморгнул.

Я икрою ей булки намазывал,
Деньги просто рекою текли, —
Я ж такие ей песни заказывал!
А в конце заказал – «Журавли».

Обещанья я ей до утра давал,
Повторял что-то вновь ей и вновь:
«Я ж пять дней никого не обкрадывал,
Моя с первого взгляда любовь!»

Говорил я, что жизнь потеряна,
Я сморкался и плакал в кашне, —
А она мне сказала: «Я верю вам —
И отдамся по сходной цене».

Я ударил ее, птицу белую, —
Закипела горячая кровь:
Понял я, что в милиции делала
Моя с первого взгляда любовь...

1964

Я был слесарь шестого разряда

Я был слесарь шестого разряда,
Я получки на ветер кидал, —
Получал я всегда сколько надо —
И плюс премию в каждый квартал.

Если пьешь, – понимаете сами —
Должен чтой-то иметь человек, —
Ну, и кроме невесты в Рязани,
У меня – две шалавы в Москве.

Шлю посылки и письма в Рязань я,
А шалавам – себя и вино, —
Каждый вечер – одно наказание,
И всю ночь – истязанье одно.

Вижу я, что здоровье тает,
На работе – все брак и скандал, —
Никаких моих сил не хватает —
И плюс премии в каждый квартал.

Синяки и морщины на роже, —
И сказал я тогда им без слов:
На фиг вас – мне здоровье дороже, —
Поищите других фрайеров!..

Если б знали, насколько мне лучше,
Как мне чудно – хоть кто б увидал:
Я один пропиваю получку —
И плюс премию в каждый квартал!

1964

Ребята, напишите мне письмо

Мой первый срок я выдержать не смог, —
Мне год добавят, может быть – четыре...
Ребята, напишите мне письмо:
Как там дела в свободном вашем мире?

Что вы там пьете? Мы почти не пьем.
Здесь – только снег при солнечной погоде...
Ребята, напишите обо всем,
А то здесь ничего не происходит!

Мне очень-очень не хватает вас —
Хочу увидеть милые мне рожи!
Как там Надюха, с кем она сейчас?
Одна? – тогда пускай напишет тоже.

Страшней, быть может, – только Страшный
суд!
Письмо мне будет уцелевшей нитью, —
Его, быть может, мне не отдадут,
Но все равно, ребята, напишите!..

1964

А люди все роптали и роптали

«День на редкость – тепло и не тает...»

День на редкость – тепло и не тает, —
Видно, есть у природы ресурс, —
Ну... и, как это часто бывает,
Я ложусь на лирический курс.

Сердце бьется, как будто мертвецки
Пьян я, будто по горло налит:
Просто выпил я шесть по-турецки
Черных кофе, – оно и стучит!

Пить таких не советуют доз, но —
Не советуют даже любить! —
Есть знакомый один – виртуозно
Он докажет, что можно не жить.

Нет, жить можно, жить нужно и – много:
Пить, страдать, ревновать и любить, —
Не тащиться по жизни убого —
А дышать ею, петь ее, пить!

А не то и моргнуть не успеешь —
И пора уже в ящик играть.
Загрустишь, захандришь, пожалеешь —
Но... пора уж на ладан дышать!

Надо так, чтоб когда подытожил
Все, что пройдено, – чтобы сказал:
«Ну а все же неплохо я пожил, —
Пил, любил, ревновал и страдал!»

Нет, а все же природа богаче!
День какой! Что – поэзия? – бред!
... Впрочем, я написал-то иначе,
Чем хотел. Что ж, ведь я – не поэт.

<Конец 1950-х – начало 1960-х>

«Про меня говорят: он, конечно, не гений...»

Про меня говорят: он, конечно, не гений, —
Да, согласен – не мною гордится наш век, —
Интегральных и даже других исчислений
Не понять мне – не тот у меня интеллект.

Я однажды сказал: «Океан как
бассейн», —
И меня в этом друг мой не раз упрекал —
Но ведь даже известнейший физик Эйнштейн,
Как и я, относительно все понимал.

И пишу я стихи про одежду на вате, —
И такие!.. Без лести я б вот что сказал:
Как-то раз мой покойный сосед по палате
Встал, подполз ко мне ночью и вслух
зарыдал.

Я пишу обо всем: о животных, предметах,
И о людях хотел, втайне женщин любя, —
Но в редакциях так посмотрели на это,
Что – прости меня, Муза, – я бросил тебя!

Говорят, что я скучен, – да, не был я
в Ницце, —
Да, в стихах я про воду и пар говорил...
Эх, погиб, жаль, дружище в запое
в больнице —
Он бы вспомнил, как я его раз впечатлил!
И теперь я проснулся от длительной спячки,
От кошмарных ночей – <и> вот снова
дышу, —
Я очнулся от белой-пребелой горячки —
В ожидании следующей снова пишу!

Конец 1950-х – начало 1960-х

«Если нравится – мало?...»

Если нравится – мало?
Если влюбился – много?
Если б узнать сначала,
Если б узнать надолго!

Где ж ты, фантазия скудная,
Где ж ты, словарный запас!
Милая, нежная, чудная!..
Эх, не влюбиться бы в вас!

<1961>

«Из-за гор – я не знаю, где горы те...»

Из-за гор – я не знаю, где горы те, —
Он приехал на белом верблюде,
Он ходил в задыхавшемся городе —
И его там заметили люди.

И людскую толпу бесталанную
С ее жизнью беспечной <и> зыбкой
Поразил он спокойною, странною
И такой непонятной улыбкой.

Будто знает он что-то заветное,
Будто слышал он самое вечное,
Будто видел он самое светлое,
Будто чувствовал все бесконечное.

И взбесило толпу ресторанную
С ее жизнью и прочной и зыбкой
То, что он улыбается странною
И такой непонятной улыбкой.

И герои все были развенчаны,
Оказались их мысли преступными,
Оказались красивые женщины
И холодными и неприступными.

И взмолилась толпа бесталанная —
Эта серая масса бездушная, —
Чтоб сказал он им самое главное,
И открыл он им самое нужное.

И, забыв все отчаянья прежние,
На свое место все стало снова:
Он сказал им три са<мые> нежные
И давно позабытые <слова>.

<1961>

«Я не пил, не воровал...»

Я не пил, не воровал
Ни штанов, ни денег,
Ни по старой я не знал,
Ни по новой фене.

Запишите мне по глазу,
Если я соврал, —
Падла буду, я ни разу
Грош не своровал!

Мне сказали – торгаши
Как-то там иначе, —
На какие-то гроши
Строят себе дачи.

Ну и я решил податься
К торгашам, клянусь,
Честный я – чего бояться!
Я и не боюсь.

Начал мной ОБХС
Интересоваться, —
А в меня вселился бес —
Очень страшный, братцы:

Раз однажды я малину
Оптом запродам, —
Бес – проклятая скотина —
Половину взял!

Бес недолго все вершил —
Всё раскрыли скоро, —
Суд – приятное решил
Сделать прокурору.

И послали по Указу —
Где всегда аврал.
Запишите мне по глазу,
Если я соврал!

Я забыл про отчий дом
И про нежность к маме,
И мой срок, как снежный ком,
Обрастал годами.

И прошу верховный суд —
Чтоб освободиться, —
Ведь жена и дети ждут
Своего кормильца!..

<1962 или 1963>

«Давно я понял: жить мы не смогли бы...»

Давно я понял: жить мы не смогли бы,
И что ушла – все правильно, клянусь, —
А за поклоны к праздникам – спасибо,
И за приветы тоже не сержусь.

А зря заботишься, хотя и пишешь – муж, но,
Как видно, он тебя не балует грошом, —
Так что, скажу за яблоки – не нужно,
А вот за курево и водку – хорошо.

Ты не пиши мне про березы, вербы —
Прошу Христом, не то я враз усну, —
Ведь здесь растут такие, Маша, кедры,
Что вовсе не скучаю за сосну!

Ты пишешь мне про кинофильм «Дорога»
И что народу – тыщами у касс, —
Но ты учти – людей здесь тоже много
И что кино бывает и у нас.

Ну в общем ладно – надзиратель злится,
И я кончаю, – ну всего, бывай!
Твой бывший муж, твой бывший кровопийца.
...А знаешь, Маша, знаешь, – приезжай!

1964

«Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог...»

Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог
Кто считал, кто считал!..
Сообщается в сводках Информбюро
Лишь про то, сколько враг потерял.

Но не думай, что мы обошлись без потерь —
Просто так, просто так...
Видишь – в поле застыл как подстреленный
зверь,
Весь в огне, искалеченный танк!

Где ты, Валя Петров? – что за глупый вопрос:
Ты закрыл своим танком брешь.
Ну а в сводках прочтем: враг потери понес,
Ну а мы – на исходный рубеж.

1965

«Экспресс Москва – Варшава, тринадцатое место...»

Экспресс Москва – Варшава, тринадцатое место, —
В приметы я не верю – приметы ни при чем:
Ведь я всего до Минска, майор – всего до Бреста, —
Толкуем мы с майором, и каждый – о своем.

Я ему про свои неполадки,
Но ему незнакома печаль:
Материально – он в полном порядке,
А морально... Плевать на мораль!

Майор неразговорчив – кончал войну солдатом, —
Но я ему от сердца – и потеплел майор.
Но через час мы оба пошли ругаться матом,
И получился очень конкретный разговор.

Майор чуть-чуть не плакал, что снова уезжает,
Что снова под Берлином еще на целый год:
Ему без этих немцев своих забот хватает, —
Хотя бы воевали, а то – наоборот...

Майор сентиментален – не выдержали нервы:
Жена ведь провожала, – я с нею говорил.
Майор сказал мне после: «Сейчас не сорок первый,
А я – поверишь, парень! – как снова пережил».

1966

«А люди всё роптали и роптали...»

А люди всё роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!»

Им объяснили, чтобы не ругаться:
«Мы просим вас, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, – ведь это иностранцы,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Но люди всё роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!»

Им снова объяснил администратор:
«Я вас прошу, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, – ведь это ж делегаты,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Но люди всё роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят...»

1966

«День-деньской я с тобой, за тобой...»

День-деньской я с тобой, за тобой —
Будто только одна забота,
Будто выследил главное что-то —
То, что снимет тоску как рукой.

Это глупо – ведь кто я такой?!
Ждать меня – никакого резона.
Тебе нужен другой и – покой,
А со мной – беспокойно, бессонно.

Сколько лет ходу нет – в чем секрет?!
Может, я невезучий – не знаю!
Как бродяга гуляю по маю,
И прохода мне нет от примет.

Может быть, наложили запрет?
Я на каждом шагу спотыкаюсь:
Видно, сколько шагов – столько бед, —
Вот узнаю в чем дело – покаюсь.

Зима 1966/67

«У меня долги перед друзьями...»

У меня долги перед друзьями,
А у них зато – передо мной, —
Но своими странными делами
И они чуют, и я чудной.

Напишите мне письма, ребята,
Подарите мне пару минут —
А не то моя жизнь будет смята
И про вас меньше песен споют.

Вы мосты не жгите за собою,
Вы не рушьте карточных домов, —
Бог с ними совсем, кто рвется к бою
Просто из-за женщин и долгов!

Напишите мне письма, ребята,
Осчастливьте меня хоть чуть-чуть,
А не то я умру без зарплаты,
Не успев вашей ласки хлебнуть.

<1969>

Бить человека по лицу я с детства не могу

Песня о сентиментальном боксере

Удар, удар... Еще удар...
Опять удар – и вот
Борис Буткеев (Краснодар)
Проводит апперкот.

Вот он прижал меня в углу,
Вот я едва ушел...
Вот апперкот – я на полу,
И мне нехорошо!

И думал Буткеев, мне челюсть кроша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!

При счете семь я все лежу —
Рыдают землячки.
Встаю, ныряю, ухожу —
И мне идут очки.

Неправда, будто бы к концу
Я силы берегу, —
Бить человека по лицу
Я с детства не могу.

Но думал Буткеев, мне ребра круша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!

В трибунах свист, в трибунах вой:
«Ату его, он трус!»
Буткеев лезет в ближний бой —
А я к канатам жмусь.

Но он пролез – он сибиряк,
Настырные они, —
И я сказал ему: «Чудак!
Устал ведь – отдохни!»

Но он не услышал – он думал, дыша,
Что жить хорошо и жизнь хороша!

А он всё бьет – здоровый, черт! —
Я вижу – быть беде.
Ведь бокс не драка – это спорт

Отважных и т. д.

Вот он ударил – раз, два, три —
И... сам лишился сил, —
Мне руку поднял рефери,
Которой я не бил.

Лежал он и думал, что жизнь хороша.
Кому хороша, а кому – ни шиша!

1966

Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную

Десять тысяч – и всего один забег
остался.
В это время наш Бескудников Олег
зазнался:
Я, говорит, болен, бюллетеню, нету сил —
и сгинул.
Вот наш тренер мне тогда и предложил:
беги, мол.
Я ж на длинной на дистанции помру —
не охну, —
Пробегу, быть может, только первый круг —
и сдохну!
Но сурово эдак тренер мне: мол, надо,
Федя, —
Главное дело – чтобы воля, говорит, была
к победе.
Воля волей, если сил невпроворот, —
а я увлекся:
Я на десять тыщ рванул как на пятьсот —
и спёкся!
Подвела меня – ведь я предупреждал! —
дыхалка:
Пробежал всего два круга – и упал, —
а жалко!
И наш тренер, экс- и вице-чемпион
О Р У Д а,
Не пускать меня велел на стадион —
иуда!
Ведь вчера мы только брали с ним с тоски
по банке —
А сегодня он кричит: «Меняй коньки
на санки!»
Жалко тренера – он тренер неплохой, —
ну Бог с ним!
Я ведь нынче занимаюсь борьбой
и боксом, —
Не имею больше я на счет на свой
сомнений:
Все вдруг стали очень вежливы со мной,
и – тренер...

1966

«Комментатор из своей кабины...»

Комментатор из своей кабины
Кроет нас для красного словца, —
Но недаром клуб «Фиорентины»
Предлагал мильон за Бышовца.

Что ж, Пеле как Пеле,
Объясняю Зине я,
Ест Пеле крем-брюле,
Вместе с Жаирзинио.

Муром занялась прокуратура, —
Что ему – реклама! – он и рад.
Здесь бы Мур не выбрался из МУРа
Если б был у нас чемпионат.

Я сажу на нуле, —
Дрянй купил жене – и рад.
А у Пеле – «шевроле»
В Рио-де-Жанейро.

Может, не считает и до ста он, —
Но могу сказать без лишних слов:
Был бы глаз второй бы у Тостао —
Он вдвое больше б забивал голов.

Что ж, Пеле как Пеле,
Объясняю Зине я,
Ест Пеле крем-брюле,
Вместе с Жаирзинио.

Я сажу на нуле, —
Дрянй купил жене – и рад.
А у Пеле – «шевроле»
В Рио-де-Жанейро.

1970

Песенка про прыгуна в высоту

Разбег, толчок... И стыдно подыматься:
Во рту опилки, слезы из-под век, —
На рубеже проклятом два двенадцать
Мне планка преградила путь наверх.

Я признаюсь вам как на духу:
Такова вся спортивная жизнь, —
Лишь мгновение ты наверху —
И стремительно падаешь вниз.

Но съем плоды запретные с древа я,
И за хвост подергаю славу я.
У кого толчковая – левая,
А у меня толчковая – правая!

Разбег, толчок... Свидетели паденья
Свистят и тянут за ноги ко дну.
Мне тренер мой сказал без сожаленья:
«Да ты же, парень, прыгаешь в длину!

У тебя – растяженье в паху;
Дрыгать с правой – дурацкий каприз, —
Не удержишься ты наверху —
Ты стремительно падаешь вниз».

Но, задыхаясь словно от гнева я,
Объяснил толково я: главное,
Что у них толчковая – левая,
А у меня толчковая – правая!

Разбег, толчок... Мне не догнать
канадца —
Он мне в лицо смеется на лету!
Я снова планку сбил на два двенадцать —
И тренер мне сказал напрямому,

Что – начальство в десятом ряду,
И что мне прополощут мозги,
Если враз, в сей же час не сойду
Я с неправильной правой ноги.

Но лучше выпью зелье с отравой,
Я над собою что-нибудь сделаю —
Но свою неправую правую
Я не сменю на правую левую!

Трибуны дружно начали смеяться —
Но пыл мой от насмешек не ослаб:
Разбег, толчок, полет... И два двенадцать
Теперь уже мой пройденный этап!

Пусть болит моя травма в паху,
Пусть допрыгался до хромоты, —
Но я все-таки был наверху —
И меня не спихнуть с высоты!

Я им всем показал «ху из ху», —
Жаль, жена подложила сюрприз:
Пока я был на самом верху —
Она с кем-то спустилася вниз...

Но съел плоды запретные с древа я,
И за хвост подергал все же славу я, —
Пусть у них толчковая – левая,
Но моя толчковая – правая!

1970

Бег иноходца

Я скачу, но я скачу иначе, —
По камням, по лужам, по росе, —
Бег мой назван иноходью – значит:
По-другому, то есть – не как все.

Мне набили раны на спине,
Я дрожу боками у воды.
Я согласен бегать в табуне —
Но не под седлом и без узды!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.